

Я боялся, что ближе к Рождеству мой организм не выдержит, и просто самоуничтожится от невероятной нагрузки. Но, мои страхи не оправдались. К счастью, полугодовые экзамены сдают все студенты, не только один я. И наша театральная труппа взбунтовалась. Как-то после очередной репетиции начался ужасный шум, все жаловались на слишком жесткий график репетиций, на нехватку времени. Провалить экзамены боялся каждый, вне зависимости от того, пропускал он занятия или нет.

Так что миссис Морис пришлось сдаться. Количество репетиций в неделю сократили до двух. Это гораздо, гораздо облегчило мою жизнь. Появилось больше времени на сон. А расписание подготовки к экзаменам я спланировал так, что снова полностью освободил воскресенье. И мы с Рэйн вернулись к нашим традиционным посиделкам в кофейне мистера Марвело. В общем, моя жизнь практически вернулась в привычное русло.

Однажды на пересменке я увидел Кlover. Она, как всегда одна, сидела подоконнике, прислонившись спиной к косяку. Одной ногой она болтала в такт музыке, звучавшей в тот момент в ее наушниках, а вторая была на подоконнике. Кlover смотрела в окно, и была такой...печальной, что мне непременно захотелось подойти к ней и спросить, в чем же дело. Так я и поступил.

Я подошел к окну и, прислонившись к стене, против которой сидела Кло, не глядя на нее, сказал, скрестив руки на груди:

- Снегопад сегодня волшебный.

И несмотря на то, что в ушах ее были наушники, Кlover ответила, не отрываясь от созерцания пейзажа за окном:

- Он всегда волшебный.

Я изогнул бровь и усмехнулся:

- Ты же в наушниках.

- Батарея села, - в доказательство своих слов, Кло вытянула свою руку и, держа за провод, покачала выключенным мр-3 в воздухе, - так не вовремя.

Теперь я повернулся к ней лицом и внимательно на нее посмотрел. Что-то было не так, я понял это сразу. Вместо обычного всплеска эмоций, в ответ я получал бесцветные фразы, а по ее лицу совершенно ничего нельзя было понять. Впервые я видел ее такую спокойную, и даже безразличную.

- Зачем же тогда ты сидишь в наушниках?

- Чтобы не лез никто, - отрезала Кlover и слезла с окна, - ты что-то конкретное хотел узнать или так, от нечего делать подошел?

Тон, которым была сказана последняя фраза, вывел меня из себя.

- Да, хотел, - я не сдерживал своих эмоций, по этому слова прозвучали грубо, - почему ты всегда одна? М? Ты считаешь окружающих людей недостойными твоего внимания? Хотя нет... Наверное, все дело в том, что ты жуткая стерва, Кlover.

Я добился своего. У меня получилось вывести ее из того безразличного состояния. Но все

пошло не так, как я рассчитывал. Я ожидал, что в ответ на мою грубость, она накричит на меня и сообщит, какой я кретин и ублюдок, но Кlover повела себя иначе. Ее глаза расширились, как от испуга. А в следующее мгновение она схватила свою сумку и чуть ли не бегом покинула мое общество. И я могу поклясться, прежде чем она отвернулась, я видел ее слезы.

Я остался стоять один у окна. Не припомню, чтобы когда-то раньше я чувствовал себя так отвратительно. Мне стало тошно от самого себя, стыдно за свои слова. Ведь на самом деле, я не считал Кlover стервой. Да и если быть честным, не смотря на все наши перепалки и противоречия, она мне импонировала. Я искренне не понимал, почему она всегда одна, и всячески пытался дать объяснение ее одиночеству. Но ничего не шло в голову. А сейчас... сейчас я подписываюсь под всеми эпитетами, которыми Кlover наградила меня. Ты идиот, Кейнс, душевно тебя с этим поздравляю.

С того дня все пошло наперекосяк. Начнем с того, что Кlover перестала посещать репетиции. Миссис Морис заверила нас, что на сам спектакль это никак не повлияет – ничего не отменяется, так что и репетиции будут идти своим чередом. Разумеется, это вызвало большое недовольство у всей театральной труппы. Почему одни должны часы напролет отыгрывать свои роли, а другим позволено вовсе не приходить?

На что миссис Морис ответила, обведя всех строгим взглядом:

- Сначала вы научитесь играть так же безукоризненно, как она, потом поговорим.

И хотя вслух больше никто не выражал недовольства, за кулисами постоянно велись перешептывания о том, что кругом царит одна несправедливость. У меня не было желания вступать в подобные разговоры, по этому во время прогона сцен, в которых я не участвовал, я сидел в зале, подальше от всех, и заполнял альбом.

Затем наш преподаватель по истории Ближнего Востока непонятным образом подхватил ветрянку, а поскольку в детстве он ей не переболел, течение болезни проходило очень тяжело. А поскольку замены ему не нашли, лекции были отменены. Казалось бы – радоваться нужно. Как бы ни так. Учебную программу никто не отменял, и все, что мы не смогли получить на лекциях, добавлялось к списку тем для самостоятельного изучения. Я проклинал все на свете, и задавался вопросом: где же шлялся наш пре уважаемый педагог, когда все нормальные дети болели ветрянкой?

Мне снова пришлось менять все свое расписание. С большим сожалением и множеством попутных ругательств, я собственноручно вычеркнул воскресенье из списка выходных дней, посвятив его самообразованию. И я всей душой желал, чтобы эти три треклятые недели, оставшиеся до экзаменов и постановки, пролетели как можно скорее.

Наверное, у меня хорошая аура и чистая карма (или наоборот), потому что три недели пролетели на космической скорости. Начались полугодовые экзамены, и вы бы знали, какое влияние они производят на студентов. Никаких шуточек на лекциях, никаких сборищ на пересменках. Куда ни глянь – всюду увидишь горе-студента, нервно пытающегося извлечь нужную информацию из учебников и конспектов. Как говорится, перед смертью не надышишься. Про себя могу сказать без ложной скромности – сдавал я экзамены, не без труда, но успешно. А когда пришел день спектакля – я был полностью свободен от конспектов и нервотрепки. Разумеется, до следующего семестра.

Впервые перед спектаклем я волновался. Я не видел Кlover в течение всего вышеперечисленного времени, и у меня были опасения, что она не появится. Но я зря так

думал. Едва я открыл дверь нашей гримерки, в поле моего зрения попала Кlover собственной персоной. Во всем театральном облачении, с красивой прической и макияжем. Но это я понял уже после. Потому что, открыв дверь, я чуть не лишился дара речи. Хотя нет, лишился. Ибо то, что я увидел, меня поразило настолько, что я сначала закрыл дверь, потом снова открыл и, кашлянув, вошел. Что же послужило моему такому поведению? Вы не поверите, если я вам скажу, как не поверил тому я сначала. Но факт остается фактом. Кlover не просто стояла посреди гримерки. Она была в объятиях моего приятеля Майка, и не просто так, а страстно его целующая. Или он ее. Сложно сейчас разобрать.

Так вот, зайдя в гримерку, я прокашлялся, чтобы привлечь к себе внимание, но получил я его лишь несколькими секундами позднее, когда вышеупомянутая парочка соизволила оторваться друг от друга. Майк тут же наградил меня взглядом а-ля «Как же ты не вовремя», а Кlover, смеясь, спрятала свое лицо, уткнувшись в плечо Майка.

- Вы уж простите меня, бестактного, но время поджигает, а мне переодеться надо, - я отвесил шутливый поклон, и прошел вглубь гримерки, чтобы взять свой костюм.

Майк по-хозяйски поцеловал Кlover в лоб и, сказав, что будет сидеть в первом ряду, вышел. Переодеваясь, я всеми фибрами души чувствовал смущение Кlover, а когда пришло время выходить, я поймал ее счастливый взгляд, и не нашел ничего сказать кроме:

- Майк хороший парень, не обижай его.

Получив в ответ ощутимый толчок кулаком в бок, я понял, что все обиды в прошлом.

- После Вас, прелестная Коломба, - пропуская Кlover вперед, сказал я.

- Ох, Асканио, когда же вы научитесь носить берет? - встав на цыпочки, Кло поправила на мне головной убор и, подмигнув, вышла на сцену.

И как бы идеально Кlover не репетировала, то, как она играла при полном зале, не поддается никакому описанию. Она невероятно преобразилась, даря всем вокруг ощущение, будто на сцене не игра, а настоящая жизнь. Отдавшись целиком и полностью игре, она всех вокруг заразила этим посылом, так что вся труппа, вне зависимости от того, какую роль исполнял, каждый участник спектакля зарядился ее влюбленностью в действо. А когда мы вышли на поклон, зал аплодировал нам стоя. И впервые в жизни я видел, как наша железная миссис Морис плачет.